

Но перед глазами внезапно возникла картина: Линь Сю, загнанный У Цином в безвыходное положение, уже был готов обратиться в прах.

Шаг вперед — уничтожить врага, но потерять Линь Сю; шаг назад — спасти Линь Сю, но упустить лучший момент для расправы над негодеем.

Разум разрывался от мучительных сомнений, но тело отреагировало в ту же секунду.

С величайшей скоростью в своей жизни он подлетел к Линь Сю, одним ударом отбросил У Циня, а второй рукой обнял Линь Сю за талию и отлетел назад на несколько шагов.

Лишь когда Линь Сю был по-настоящему спасен, притупившийся разум постепенно вернулся к нему.

Хотя он уже давно забыл, что такое страх и тревога, в тот момент, когда он осознал, что чуть не потерял человека перед собой, его охватил предельный ужас.

Хорошо, что успел.

Хорошо.

Хорошо.

Линь Сю был немного удивлен внезапному появлению Шу Цзю, а заметив боковым зрением неподалеку Сун Хуайлиня, вдруг почувствовал легкую головную боль: и впрямь невероятно глупо было надеяться, что Сяо Ци превратится в кошачьего демона и всех перебьет.

Опомнившись и глядя на обеспокоенного Шу Цзю, Линь Сю испытал одновременно укол совести и горечь: ради него этот человек отказался от шанса собственноручно убить кровного врага.

А ведь этого шанса Шу Цзю ждал целое столетие.

Шу Цзю все еще не мог оправиться от паники, едва не стоившей ему Линь Сю. Не в силах произнести ни слова, он дрожащими руками зажал кровоточащую рану на груди Линь Сю, пытаясь замедлить поток крови.

Какой же глупый, — вздохнул про себя Линь Сю.

Он ведь уже мертв.

Одной рукой он сжал руку Шу Цзю, прижатую к его груди, а другой обвился вокруг его шеи, подался вперед и коснулся губ Шу Цзю.

Это было не то дежурное, послушное подчинение, что обычно. Он сделал это просто потому, что захотел.

Единственным жаль было то, что его тело теперь леденело, и он больше не мог дарить Шу Цзю столь желанное тепло.

Кончик языка проник сквозь плотно сжатые губы Шу Цзю, раздвинул стиснутые зубы, сплелся с его языком и закружил в танце. В этом успокаивающем поцелуе он выплеснул все свои чувства.

Я здесь, я никуда не ушел, так что не бойся.

Напряженный разум Шу Цзю постепенно расслабился, он крепко прижал Линь Сю к груди, отвечая на поцелуй, и его язык властно вторгся в рот Линь Сю, хозяйничая внутри.

Когда поцелуй завершился, Линь Сю прижался лбом к плечу Шу Цзю и тихонько рассмеялся.

На самом деле, у смерти есть свои плюсы — по крайней мере, целуясь, не нужно беспокоиться о том, что закончится воздух.

Шу Цзю гладил Линь Сю по волосам, и во взгляде, устремленном на юношу, плетилась нежность.

Внезапно он подумал, что так даже лучше: по крайней мере, роман с призраком звучит куда надежнее, чем роман человека с призраком.

Но спускать это нельзя.

Шу Цзю поднял голову и посмотрел на шатающегося У Циня, в глубине его глаз бушевала свирепая буря.

Ни за что не прощать.

Из-за его предательства, и еще больше — из-за боли, причиненной Линь Сю.

Раз уж хватило смелости поднять руку на его человека, нужно было иметь мужество принять его безграничный гнев.

Тогда Шу Цзю улыбнулся — ослепительно и невыразимо красиво, но в глазах, контрастировавших с этой улыбкой, зияла ледяная бездна.

Сколь нежными были движения его рук, столь же глубоким был холод в глазах, смотревших на У Циня.

Ты сам напросился, У Цин.

Глава пятая (1)

Словно благодаря особому читу главного героя, У Цин, мгновенно прикончивший Линь Сю, был в один миг повержен Шу Цзю.

Линь Сю уже не знал, что и сказать. Он только хотел шагнуть вперед, как вдруг почувствовал всеобщую слабость, а когда снова открыл глаза, обстановка вокруг изменилась.

Это была комната в старинном стиле. В отличие от того места, где Линь Сю встретил Шу Цзю в прошлый раз, здесь повсюду витал роскошный аромат благовоний из красного дерева, а убранство поражало изысканностью и утонченностью, не неся в себе ни малейшего налета тлена.

В этот момент Линь Сю сидел у окна, опершись о перила, и беззастенчиво бросал корм в пруд под окном.

— Не объяснишь, что все это значит? — небрежно бросил Линь Сю, глядя на борющихся за еду карпов кои.

741 тряхнул хвостом и подобострастно произнес:

— Тебя забрал Сун Хуайлинь, а затем отправил в внешний мир. Я вмешался по дороге и перенаправил тебя сюда.

— Сун Хуайлинь?

— Да-да, будучи посланником преисподней, он обладает полномочиями разбираться с новыми душами вроде твоей, — кивнул 741.

— Но какова была причина его поступка? — спросил Линь Сю.

741 уже собирался ответить, как вдруг Линь Сю перебил его:

— Впрочем, неважно, это уже в прошлом. Главное, что я погиб не из-за защиты защитного массива.

С этими словами Линь Сю закрыл глаза, приступая к систематизации сюжета нынешнего мира.

Это была альтернативная эпоха с довольно свободными нравами, где даже мужчины могли вступать в брак в качестве жен, а целью миссии Линь Сю являлся его друг детства и несостоявшийся жених — младший господин из резиденции премьер-министра по имени Чи Цюнянь.

Что же до самого Линь Сю, то официально он проживал в резиденции премьер-министра на правах сироты старого знакомого, тогда как его истинной личностью был Фань Сюлинь — старший принц нынешней династии, сын покойной императрицы.

Если говорить прямо, сюжет заключался в том, что Линь Сю предпочел императорский трон возлюбленной, после чего убитый горем младший супруг отвернулся от зла ради света и ушел к другому.

— Ну что ж, раз с сюжетом ты ознакомился, — подал голос 741, как только Линь Сю открыл глаза. — Не хочешь выйти и помешать встрече главного у и главного цуя? Дальнейший сюжет гласит, что... Младший сошел с ума, отбил от слуг, и теперь к нему пристают мажоры. В конце концов главный герой Чэнь Юй спасет красавца. Если вы выйдете прямо сейчас, то еще успеете опередить его и поднять благосклонность. Ну поживее же!

С этими словами 741 выпрыгнул в окно и зашагал вперед сам по себе. Пройдя полпути и заметив, что Линь Сю не идет следом, он обернулся и увидел, что Линь Сю по-прежнему безэмоционально прислонился к оконной раме, не сдвинувшись с места ни на дюйм и даже не удостоив его взглядом.

Почувствовав на себе взгляд 741, Линь Сю наконец посмотрел на него, и на его лице проступила какая-то призрачная улыбка.

Сяо Ци, произнес он, кажется, долгое время я заблуждался в одной вещи — моя задача состоит лишь в том, чтобы превратить цель в гуна. Иными словами, никаких ограничений у этой задачи нет. Раз так...

В уголках глаз и наброске бровей Линь Сю таилась улыбка, словно его радовало нечто из ряда вон выходящее:

Раз так, то ведь нет ничего страшного в том, чтобы пойти на любые средства, верно? Выходит, мне вовсе не обязательно зарабатывать эту самую благосклонность, не так ли?

Солнце за окном спряталось за тучи, и в комнате, и без того прохладной из-за плескавшейся внизу воды, вдруг сделалось зябко.

741 не очень-то различал выражение лица Линь Сю, но, замерши на мгновение, подбел к его ногам и прыгнул прямо на колени: Как бы ни мыслил мой уважаемый хозяин, пусть поступает так, как считает нужным.

Раз уж на то пошло, я намерен сделать кое-что.

Сахарные засахаренные фрукты! По две монетки за связку! Ой-ой! Кто это тут ходит без глаз? Растоптал все мои леденцы! Аль потерял душу вчера ночью у какой-нибудь девки в весёлом доме, да до сих пор не собрался с мыслями?

Стоило ему это произнести, как вокруг раздался дружный смех.

А юноша в роскошных одеждах, над которым подшучивали, не выказал ни малейшей реакции — он и впрямь выглядел так, будто лишился души. Слуга же, следовавший за ним, докрасна распалился от злости.

Закрой свой собачий рот! Только благодаря великодушию моего господина тебе с рук сходит весь этот бред, проваливай, проваливай, забирай эти деньги и катись отсюда немедленно! А не то я позову стражу, и тебя до смерти изобьют за твой поганый язык!

Торговец смекнул, когда лучше вовремя остановиться, и поспешно сменил тон: Простите, извините! Старик ослеп и задел благородных господ, уже ухожу, уже ухожу!

С этими словами он подхватил брошенный в него кошелек с монетами и скрылся в мгновение ока.

Молодой господин! Ах, молодой господин! — Сяо Цюань поспешно схватил за рукав шедшего впереди господина, который покачивался из стороны в сторону, словно пьяный, и с перекошенным от отчаяния лицом запричитал: Ой-вей! Мой маленький господин! Мой маленький предок! Что же с вами случилось? Во всем виноват я, слуга, глаза которого затуманили дурные мысли, не уследил за вами! Если вас кто-то обидел, скажите мне! Если не выйдет, вернемся в особняк, расскажем стайлао (господину) или господину Линю... Эх! Господин! Не бегите же! Подождите!!

Однако Чи Цюнянь уже не слышал призывов Сяо Цюаня. Сейчас все его сердце трепетало, он должен был увидеть этого человека, должен был увидеть его, должен был увидеть...

С громким стуком дверь распахнулась от сильного толчка.

Линь Сю обернулся и увидел в дверях человека: упершись рукой в дверную раму и слегка согнувшись, тот тяжело и прерывисто дышал.

Хотя Линь Сю стоял против света и не мог разглядеть его выражения лица, он отчетливо чувствовал этот сосредоточенный взгляд, устремленный прямо на него, немигающий.

Линь Сю отложил корм для рыб, слегка приподнял уголки глаз, глядя на вошедшего, словно на возлюбленного, и в его голосе зазвучало непередаваемое, нежное тепло: — Что случилось с Цюнянем? Уж не обидел ли тебя снов...

Не успел он договорить, как кто-то бросился ему в объятия и горько зарыдал, словно выплевывая все накопившиеся обиды. Линь Сю на мгновение замер, а затем инстинктивно обнял прижавшегося к нему юношу.

В древности женились рано, и Чи Цюняню сейчас было едва ли четырнадцать-пятнадцать лет. Даже если в будущем ему суждено было испытать до дна чашу страданий и душевной боли, к концу своей истории ему едва исполнилось бы чуть за двадцать. По меркам современного мира это был еще ребенок, который даже не успел закончить университет.

Хотя Линь Сю уже принял решение идти к цели любыми средствами, видя перед собой столь мягкого и хрупкого юношу, он все же почувствовал легкую жалость.

Ладно, была не была. В конце концов, можно просто дать ему побольше времени на общение с Чэнь Юем — чем раньше он влюбится в Чэнь Юя, тем раньше сможет освободиться от него, Линь Сю.

Только вот Линь Сю не ожидал, что этот юноша, несмотря на свой юный возраст, обладал на редкость цепкой хваткой — он сжал руки так крепко, что у Линь Сю заболела поясница. Когда плач юноши начал стихать, Линь Сю лишь беспомощно улыбнулся: — Кто же это тебя так сильно обидел? Расскажи, твой братец Линь Сю поучит его уму-разуму и вернет всё с лихвой.

Юноша в его объятиях вжался пальцами в одежду Линь Сю, шмыгнул носом, и в его голосе все еще слышались слезные нотки: — Я слышал от отца, что братец Линь Сю отложил свадьбу.

В первоначальном сюжете всё происходило точно так же: узнав о своем истинном происхождении, Линь Сю отложил свадебную церемонию. Причина была предельно проста — у императора не мог отсутствовать наследник.

Выходит, он расстроился из-за этого? Линь Сю слегка вздохнул: всё-таки он был суший ребенок.

— Я не имею ни ученых степеней, ни заслуг, и кроме Резиденции премьер-министра мне негде поклонить голову. Линь Сю похлопал юношу по спине и успокаивающе произнес:

— Раз ты последовал за мной, тебе суждено терпеть лишь обиды, разве же я могу этого хотеть? Если в следующем году я сдам императорский экзамен, ситуация станет немного лучше. Или ты не веришь своему брату Линь Сю?

— Но Нянь-эр не волнуют все эти вещи, Нянь-эр просто хочет быть рядом с братом Линь Сю. Поэтому, брат Линь Сю, давай не будем откладывать свадьбу, хорошо? Нянь-эр с самого детства мечтал стать женой брата Линь Сю, Нянь-эр не хочет откладывать свадьбу! Нянь-эр хочет выйти замуж за брата Линь Сю прямо сейчас!

Линь Сю: «.....»

Хотя по сюжету омега был очень капризным и любил поласкаться, Линь Сю всё равно не мог сдержать нервную тиковую судорогу и тучи на лбу.

Линь Сю отстранил юношу, сидевшего у него в объятиях, высвободился из его хватки и оттолкнул на расстояние вытянутой руки.

Прижав ладони к плечам юноши, Линь Сю посмотрел на него чернильно-черными глазами.

— Цюнянь, води себя послушно.

Отодвинутый юноша так и стоял с опущенной головой. Услышав слова Линь Сю, он сжал кулаки так сильно, что ногти, казалось, впились в мякоть ладоней, но он будто бы даже не почувствовал боли. Лишь спустя долгое время он смог взять свои эмоции под контроль.

— Нянь-эр будет послушным, но брат Линь Сю должен, непременно должен жениться на мне!
— Юноша медленно поднял голову, вскинул руку, схватил Линь Сю за запястье и уставился на него взглядом, полным непоколебимой решимости.

Обязательно, непременно больше не отпускай мою руку. Линь Сю улыбнулся, глядя на окровавленный рукав, и приказал, глядя на выход: — Эй там! Принесите немного целебной мази!

Чи Цюнянь крепче сжал запястье Линь Сю: — Братец Линь Сю, ты ведь так и не согласился, с самого моего прихода ты ни разу не дал согласия...

Мазь принесли, и Линь Сю, высвободив свободную руку, погладил юношу по голове: — Отпусти, я сам обработаю тебе рану.

— Эх ты, всё такой же ребёнок. Как же мы с твоим отцом можем за тебя не переживать? — склонив голову, Линь Сю тщательно промывал раны на ладонях юноши. Он никак не мог взять в толк, как этот паренёк, до ужаса боявшийся боли по сюжету, ухитрился так себя поранить. При этом даже во время обработки ран он не выказывал ни малейшего страха — неужели сюжету и впрямь нельзя верить до конца?

— Если переживаешь — просто не своди с меня глаз, — раздался у самого уха слегка обиженный голос юноши. Линь Сю покачал головой, не придавая этим словам особого значения.

— Хорошо-хорошо, буду смотреть на тебя неотрывно.

— Тогда не смей отказываться от своих слов, братец Линь Сю.

Ни за что, ни за что не смей отступаться, иначе...

Часть пятая (2)

— Ты и впрямь принял окончательное решение? — вздохнув, спросил старый премьер-министр в кабинете, опуская на доску чёрный камень. Линь Сю взвесил в уме все за и против, сделал ход и опустил камень на доску. Прорубив путь сквозь плотные слои тумана прямо к условным границам поля боя, он намеревался сражаться с белыми фигурами насмерть.

— С самого начала, когда меня изгнали из дворца, а матушка погибла от рук Дэ-фэй, пытаюсь меня защитить, я принял окончательное решение. Если я не отомщу за эту кровь, то не смею зваться человеком.

— Но твоя матушка вовсе не обязательно желала этого. Долгие годы управляя гаремом и досыта насмотревшись на борьбу за власть и падение нравов, она искренне надеялась, что ты сумеешь держаться подальше от всей этой смуты.

— Вот только матушка погибла, погибла из-за своей наивности. Раз уж ты оказался втянут в эту партию, как можно уйти невредимым? Единственный путь к выживанию — отчаянная борьба. К тому же, хотя мою истинную личность удавалось скрывать какое-то время, вечно это продолжаться не могло, рано или поздно они бы меня выследили. Вместо того чтобы сидеть сложа руки и ждать смерти, лучше захватить инициативу. Враг на виду, а я в тени — при любом раскладе в выигрыше остаюсь я.

С этими словами Линь Сю легко постучал пальцем по шахматному камню и лучезарно улыбнулся:

— Уж я-то точно не повторю судьбу матушки.

Старый премьер-министр покачал головой и тяжело вздохнул:

— Ладно, ладно, ладно. Я уже написал письмо генералу Лю. Отправляясь на границу, води себя предельно осторожно и смотри не расстанься с жизнью на поле боя.

Линь Сю произнес:

— Благодарю вас, дядя. К тому же, после нашей разлуки неизвестно, когда еще доведется встретиться, поэтому прошу вас найти для Цюняня другую пару — в конце концов, из меня выйдет плохая опора в жизни. К тому же, в этот раз я затеваю борьбу и вовсе не хочу втягивать семью Чи, так что в любом случае мне придется порвать родственные узы с вами.

— Эх, этот ребенок Цюнянь с самого детства был привязан к тебе, даже если бы я стал чинить препятствия, вряд ли из этого вышло бы что-то хорошее. Это дела вас, молодежи, а мне, старому дураку, лень возиться, — с этими словами он бросил недоигранную партию и удалился.

Линь Сю посмотрел на почти выигранную позицию на доске и горько усмехнулся: неужели испугался поражения и просто сбежал?

И впрямь, каков отец, таков и сын — ни старший, ни младший не дают спокойно жить.

Мяу~ Неужели хозяин действительно собирается на поле боя? — как только премьер-министр ушел, 741 запрыгнул на низкую тахту, склонил голову набок и, глядя на Линь Сю, озадаченно произнес:

— Поле боя — это вовсе не шутки, клинки и мечи безжалостны, в любой момент можно расстаться с жизнью. Зачем хозяину непременно выбирать столь опасный путь? В этом сюжете вам предначертано стать Сыном Небес, и даже если затаиться в столице, выжидая удобного момента, как в оригинальной истории, это вполне сработало бы, мяу~~

Линь Сю молча принялся собирать оставшиеся на доске камни:

— Но ведь это самый быстрый способ, не так ли?

— К тому же сейчас я, пожалуй, меньше всего на свете боюсь умереть. Разве не так, Сяо Ци? Но если вдруг во время твоего отсутствия малыш Сёу упадет на малыша Коу, что тогда делать? — встревоженно запротестовал 741.

Линь Сю прекратил складывать вещи, посмотрел на 741 и с абсолютной уверенностью произнес:

— Он любит Линь Сю. Пока я по-настоящему не бросил его, он будет продолжать любить Линь Сю. В этом и заключается любовь: она верна и стойка, смешна и абсурдна.

О! Почему они должны любить Линь Сю? Ведь Линь Сю приносит им лишь несчастья, ведь Линь Сю обречен уйти. Полюбить кого-то другого? Как раз то, чего я хочу! Чем сильнее любовь, тем лучше; чем страстнее, тем лучше. Я и должен стать этим бессердечным человеком, этим презренным человеком! Даже если придется пойти на любые меры, чтобы лишить Чэнь Юя самого дорогого, я должен выполнить это проклятое задание! Выйти из этой проклятой игры!

741 широко раскрыло глаза и не удержалось — подняло лапку, чтобы успокоить явно взволнованного Линь Сю:

— Уважаемый хозяин...

Однако в следующее мгновение Линь Сю, казалось, вновь забыл обо всем, возвратившись к своему обычному за последние дни улыбчивому выражению лица. Он поднял 741 и погладил его по головке:

— Напугал тебя? Прости, со мной всё в порядке. Но мне нужно навестить Цюняня: из-за моего отъезда на границу он в последнее время совсем отказывается есть и не притронется ни к чему, кроме приготовленной мной еды. Воистину тяжело ему приходится.

Свернувшись калачиком на руках у Линь Сю, 741 вспоминало многое из того, что произошло с тех пор, как оно встретило своего хозяина. И всё же оно смутно сознавало, что уже позабыло ту успокаивающую улыбку молодого человека, которую видело в самом начале.

Теперь же эта фальшивая улыбка, это выражение лица, в котором не осталось ни единой капли человечности...

Когда Линь Сю поспешил во двор Чи Цюняня, у дверей уже валялись осколки разбитого фарфора. Слуга Сяо Цюане с унылым лицом уговаривал хозяина извне, но войти не смел. Завидев приближающегося Линь Сю, он обрадовался так, будто увидел спасителя, и тут же бросился навстречу.

— Молодой господин Линь, вы наконец пришли! Умоляю, уговорите молодого господина. Глядишь, он уже перебил в комнате всё, что только можно разбить, а слуги сколько ни уговаривали — толку никакого.

— Я понял. Ступай и отведи остальных. А ближе к полуночи пришли кого-нибудь с горячей водой.

— Слушаюсь! Благодарю вас за хлопоты, молодой господин Линь.

Когда Линь Сю с подносом в руках пробирался сквозь усеянный обломками двор к двери комнаты, чашка, на донышке которой плескалось полглотка чая, просвистела мимо его головы и едва не угодила в лоб. Несколько капель брызнули на плечо, но в целом обошлось без травм.

— Нянь-эр, но ведь это была любимая фарфоровая ваза твоего батюшки времен прошлой династии, — с досадой произнес Линь Сю.

Только стихли его слова, как какой-то юноша стремглав выбежал ему навстречу, охваченный тревогой.

— Братец Линь Сю, тебя только что не задело? Дай-ка я посмотрю!

С этими словами он дважды обошел вокруг Линь Сю и, убедившись, что ран нет, наконец немного успокоил сердце, висевшее до этого камнем. Достав платок, он бережно смахнул капли чая, упавшие на плечо Линь Сю.

— Что со мной может случиться? Вот с тем, что у тебя за дверью, действительно случилась беда. Там было немало сокровищ, которые твой старший брат с большим трудом раздобыл в дальних краях — даже батюшке не досталось почти ничего из того, что в итоге осело у тебя. А ты хорош: взял и с маху всё переломал! — отчитал его Линь Сю и, бросив взгляд в комнату, заметил, что единственный уцелевший предмет — это как раз стоящая на подоконнике ваза для сливы. Память тотчас услужливо подсказала: когда-то Линь Сю собственными руками состряпал эту вещицу, чтобы отпраздновать пятидесятилетие Чи Цюняня. Наверное, во всей комнате эта ваза для сливы была самой дешевой вещью.

Повернув голову, он действительно увидел юношу, который стоял рядом, опустив голову и не произнося ни звука. Вид у него был поистине жалостливый, и Линь Сю не оставалось ничего другого, как одной рукой держа поднос, другой коснуться растрепанной макушки юноши:

— В конце концов, всё это — неодушевленные вещи. Если их уничтожение способно хоть немного тебя порадовать, братец Линь Сю сам лично прикатит тебе целую телегу из обжигательной печи, чтобы ты их колотил. Так что сейчас самое главное — съесть то, что я

принес.

С этими словами он подвел юношу к столу и опустил на него поднос. — По правде говоря, в этом особняке только ты и способен осилить мою стряпню. Недавно батюшка увидел, с каким аппетитом ты ешь приготовленное мной, и попросил сделать немного и для него. В итоге блюдо было готово, но батюшка отведал лишь ложку, после чего сослался на срочные дела и уехал из дома.

— Это у отца вкус странный! — послушно последовав за Линь Сю, юноша, даже продолжая смотреть в пол, не забыл вступить за него.

— Вот поэтому съешь-ка хоть немного. А после посмотришь на меня своими глазами: ты ведь всё это время отказывался поднять голову, небось опять выплакал все глаза и опух?

Лучше бы он промолчал! Стоило произнести эти слова, как юноша тут же вскинул голову. Его покрасневшие и припухшие от слез глаза неотрывно уставились на Линь Сю, и в тот же миг из них брызнули слезы:

— Братец Линь Сю, не уходи, умоляю! Если уж уходишь, возьми меня с собой, хорошо? Я буду послушным, стану капризничать и вредничать, клянусь, я не доставлю тебе хлопот, только не оставляй меня одного! Нянь-эр не хочет ждать здесь в одиночестве!

<http://bllate.org/book/21667/2235529>